

“TATAR TRAIL” IN THE HISTORY OF RUSSIAN FISTICUFFS

Mileusha Mukhametzyanova Khabutdinova,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,

mileuscha@mail.ru.

The article systematizes a range of sources and studies, which have references to the Tatars' participation in Russian fisticuffs. Our analysis is based on newspaper publications, ethnographic essays and fiction. The methodological basis is the research of A. Grantovsky, G. Bazlov and V. Kats. In the course of the research, we found that there were passionate fans of Russian fisticuffs among the Tatars before the Revolution of 1917. In Kazan, the fights were held in winter on the Kaban and in Arsk Field, in Moscow - on the Moskva River. We prove that for Tatar batyrs it was an opportunity not only to demonstrate their valiant prowess, but to significantly improve their financial situation, so they agreed to become hired fighters. Tatar merchants paid them with money and tea, and the Russians, in addition to money, put up barrels of vodka and beer, and sleighs of pretzels. At the end of the nineteenth century, due to numerous injuries, fisticuffs in Kazan were banned; later, at the beginning of the twentieth century, they ceased to be held at all due to persecution by the authorities. In the history of Moscow fisticuffs, the name of the Tatar Misharin Nur Aliyev, better known by his nickname Kara Malay, became a legend.

Key words: fisticuffs, Russian and Tatar settlements, Kazan, S. T. Aksakov, F. S. Chaliapin, R. Ilyalov

Introduction

We have recently learned that the Tatar sambo wrestler Renat Khasipov has reconstructed the medieval Tatar martial art called “Sugu səngate” (“Martial Art” / “The Art of Strike”), consisting of elements from a combat dance, a hand-to-hand combat and a combat with weapons. According to the sugu səngate collector, many of these martial art techniques were created based on the traditions of the ancient Tatar belt wrestling (Tatar kərəshe), a hand-to-hand combat of the ancient Turks. R. Khasipov “dissolved” all these in the movements of Tatar dances. The sambo wrestler collected materials on martial art techniques during his ethnographic trips to the villages of Bashkortostan, where he interviewed kərəshe wrestlers (Tatar kərəshe). R. Khasipov conducted substantive correspondence with historians and employees of museums in the city of Kazan [1]. We consider this practice to be an interesting form of the traditional culture phenomena, functioning in the post-traditional era.

This article attempts to systematize information about the Tatars' participation in such folk entertainment as fisticuffs in Rus'. After reviewing scientific literature, we found a number of studies that present the ritualized structure of Russian fisticuffs in detail. In addition to practical descriptions of the fights, A. Grantovsky's book “Russian Fistic-

cuffs” (1993) contains interesting information about the contribution of researchers and writers to the study of this folk game [2]. G. Bazlov thoroughly studied the history of fisticuffs in Rus' in the Middle Ages and in modern times [3]. In his work, V. Katz analyzed fisticuffs as a phenomenon of national culture [4]. Unfortunately, we have failed to find serious scientific research, investigating the facts of the Tatars' participation in this folk fun.

Materials and methods

Our study is based on newspaper publications [5], works of ethnographers [6], [7], [8], orientalists [9], eyewitness memories [10] and literary works [11], [12], in which there are descriptions of fisticuffs with the Tatars' participation. This study uses the cultural-historical and systemic methods of analysis.

Discussion

“Fisticuffs in Rus' are a characteristic and peculiar phenomenon, which presents great interest in the development of our culture. Thus, everything related to the history of this folk entertainment, having grandiose proportions and being extremely widespread throughout Russia, involuntarily attracts attention”, as A. Lebedev, an eyewitness of kulak fights in the 19th century, believes. In

his opinion, this “custom was not Russian at all but was brought to us from the West, along with the appearance of foreigners who brought their views on the rituals of life here” [6]. The Russian orientalist-Tatarophil S. Averkiev, on the contrary, was sure that fisticuffs were a folk pastime borrowed by the Russian people from the East [9, p. 192].

In his “Essay on Domestic Life and Customs of the Great Russian people in the 16th and 17th Centuries” (1860) describing ancient Russian fisticuffs, the historian N. Kostomarov (1817–1885) notes that their participants “fought with ferocity and frenzy”. This could lead to death or disability for some of them [7, pp. 227–228]. However, A. Lebedev believes that fisticuffs were not as gloomy, wild and cruel as N. Kostomarov thought them to be: “When the fight was over, the opponents, who had recently fought ruthlessly trying to “break the wall”, would quite peacefully get together in “kruzhalas” (drinking houses), taverns, pubs and saloons, where they had heated debates assessing the events of the battle and the dexterity of this or that fighter...” [6].

In the Encyclopedic Dictionary by I. Berezin, we have found information that in the middle of the 18th century, it was Kazan cloth makers who gained fame in the “break the wall” fights [13, p. 423].

Information has been preserved that an outstanding fighter of his time was the Kazan Prince Khuday-Kul (d. 1523), Khan Alegam’s brother, who became Peter Ibragimovich after being captured and baptized, consequently he lost the right to claim the Kazan throne forever:

“A week after the sacrament, at Christmas time, as a sign of special favor, as well as making far-reaching political plans, Grand Prince Vasily married Peter to his own sister, Princess Evdokia. During the winter holidays, the newlywed Tsarevich Peter “rejoiced in the fight” with Moscow athletes, displaying great skill. By using special grips and techniques, Peter was able to bring his opponents to the ground with one hand” [14].

In the literary heritage of the Russian writer S. Aksakov (1791–1859), we have found an interesting sketchy description of a fistfight between Tatar and Russian settlements, which he witnessed in 1806 on Lake Kaban in Kazan:

“These fights were sometimes waged with real rage, and, of course, a sense of nationality was mixed with the usual ardor of the fighters. The fight that I saw, however, was held within the proper boundaries and according to the rules, which were violated only when the Tatars happened to take the upper hand. Lined up in two walls,

one against the other at a decent distance, the fighters stood inactive for a long time, only the boys jumped out from both sides to the neutral middle and fought among themselves, instigated either by ridicule or praise from adults; finally, the famous fighter Abdulkha stepped forward and the famous fighter Nikita promptly appeared before him; the Tatar was knocked off his feet and another fighter took his place. Meanwhile, in several places, different other fighters began to fight in pairs. They were equally fortunate at first: both the Tatars and the Russians fell down. When rising, some held on to their sides, some on to their cheekbones, and others were carried away. Suddenly, with a terrible cry, the Tatars rushed wall to wall - and an awful, completely hand-to-hand fight ensued; but the Tatars did not hold out for long, soon they were pushed back and fled. The Russians pursued them to the banks of the Kaban and returned triumphantly. I was told that when the Tatars happened to win, they pursued the Russians even to their homes, and then a fierce battle was waged again with old men, women and children taking part: they fought using anything at hand. Such a fight always ended with the flight of the Tatars”. (“Collecting Butterflies” (A story from student life)) [11, p. 160].

Thus, this description of the fist fight is based on S. Aksakov’s personal childhood memories, it is quite true to life and it contains an emotional assessment of the “fierce battle” taking place before his eyes.

We managed to find a description of a fistfight on the Kaban in 1832. The author of this ethnographic essay is Lav. Felonov (Felonovъ) [8]. It gives a detailed description of the customs of Kazan passionate fistfight fans. In the city, the “commander-in-chief of Russian martial arts” was the merchant Sevastyan Dormidontovich Poskonev. He paid the best fighters a salary, and gave others valuable gifts. During the fighting, he often rolled out barrels of vodka and beer and brought out carts of rolls. All those who wanted to find out who was stronger fighting “with the Tatars” (“съ татарвой”) flocked to him. Tatar merchants did not skimp on the expenses for the maintenance of dexterous and hefty fellows either: “they did not spare money and poor quality tea”. According to the author of the essays, over the past two winters, neither the Tatar nor the Russian sides were able to defeat each other “to the greatest annoyance of their national feelings” [Ibid., p. 213].

While searching for a hefty young man, the Russian merchant, by chance, met the son of a poor rural deacon, Vasily Nikitovich Dobrynnin, who, at the age of 14, was sent by his father to study at a seminary in Kazan. By the age of 16, the guy turned into a “Spartan”, treating physical pain with contempt. He did badly at school: when he

was in the senior class, he was already 24 years old. A passionate admirer of the kulak fight met him when the bursak (a student of a seminary) stopped the stallion at full gallop and thereby saved a noble lady. The merchant set the fashion of calling the deacon's son "Dobrynya Nikitich". The merchant began to send him to fisticuffs. As soon as Danila appeared on the battlefield, the Tatars began to scatter. Everyone remembered him knocking down sixteen Tatars during the first battle, they were taken away in carts. The Tatars called him "shaitan" [Ibid., p. 214]. This prompted the Ismangulov brothers, together with other merchants, to order for themselves an invincible fighter named Abdurakhman from Astrakhan.

The author of the essay describes in detail the ritual of boasting with participation of two merchants, which took place on the eve of a fistfight. One of the Russian merchants Sevastyan Dormidontovich Poskonev's guests, Spiridon Petrovich, reports that the Tatar gave the hired fighter 100 rubles and paid for "his grub and travel expenses". The guest describes the batyr as "A monster!" ("Stra-sh-ilishche!"):

"Very tall – like this! the guest stood up and raised his hand as high as he could, – his shoulder – like this!" – the guest measured out a sazhen (2,13 m). "And he is as strong as a horse: with a wild fist, he breaks three bricks at a time". In order for those present to clearly see the strength of the newly-arrived fellow, the "talkative eyewitness" demonstrated to the guests a "broken tanner" [Ibid., p. 203].

The merchant reminds the guests that last year his fighter, the bursak Danila, defeated the batyr Nigmatulla and struck fear into the inhabitants of the Tatar settlement, passing through it "from one end to the other". The grateful merchant gave the Russian fighter a "three-ruble note".

The bursak, called by the host, came into the house remaining quite indifferent to the eyewitness's story and boasted to those present that he could "break ruble coins". Soon Danila demonstrated this skill of his, for which the hostess gave him a "three-ruble note" as a reward. The merchant Poskonev, who was delighted, asked his guest to give the Tatar merchant two halves of a silver ruble with the wish to send this Astrakhan man of muscle back home. The host, giving the fighter a three-ruble note in advance, promised the bursak career growth if he defeated Abdurakhman: the merchant promised to intercede with the bishop to

accept Danila as a deacon in the parish and to find him a bride with a dowry [Ibid., p. 208].

The essay describes in detail the fist fight on Epiphany: the Tatars crowded on the sloping bank of the Kaban, where the Church of the Four Evangelists was located, and the Russians were on the opposite bank. Each side was looking forward to seeing their merchants with hired fighters.

The portraits of the fighters play an important role in their characteristics. A good example is a very representative portrait of the Astrakhan batyr who looked like a real dandy, a "colossus" among the undersized Kazan Tatars:

"He was a swarthy fellow of about forty. In his black beard, a gray hair shone with silver in places; a Tatar sheepskin coat was thrown over his broad shoulders; he had a high sheepskin hat acock on his head with a golden skullcap showing from under it; on his hands he wore huge white leather mittens, reaching almost to his elbows" [Ibid., p. 219].

Before the battle began, the Russian fighters had distributed the Tatar opponents among themselves. The first to fight were teenagers from both sides. Then, the "wall" moved against the "wall". The Astrakhan fighter was not included in the "wall". Both sides fought fiercely that day. The Astrakhanian joined the battle, seeing the retreating Tatars. He threw off his coat and rushed into the thick of it. Abdurakhman scattered the Russian fighters and put them to flight. Thus, in the first battle, the Russians "suffered a complete defeat" [Ibid., p. 220]. Dobrynya did not show up for the first fight, as the inspector of the seminary punished him for some wrongdoing.

During the second battle, Abdurakhman and Dobrynya took their places in the "wall". A battle ensued. After some time, the fighters were two steps away from each other. Abdurakhman hit his opponent in the chest, and Dobrynya crushed his collarbone and upper arm with a blow [Ibid., p. 225]. "The Tatars, seeing their Hercules on the ground, fled away; the Russians pursued them to the Tatar settlement and returned victorious". Thus, ended the fistfight on the Kaban in 1832, after which the police made Dobrynya sign a written pledge promising not to fight again. Sevastyan Dormidontovich kept his word: he picked up a bride and secured a position of a deacon for his fighter. A year later he was taken to the cathedral as an archdeacon [Ibid., p. 226].

Lav. Felonov's ethnographic essay describes the mores of Kazan merchants. The author focuses on the preparation for a fistfight and its procedure.

To characterize the fighters, it is important to provide their portraits as well as biographical facts that led them to the career of hired fighters. Lav. Felonov lists the amount of expenses spent by both Tatar and Russian merchants on the maintenance of this popular entertainment. The ethnographic essay is eloquent evidence that both Tatar and Russian merchants were passionate fans of fisticuffs on the Kaban and they spared no expense in the name of victory.

A very vivid description of a fistfight is found in F. Chaliapin's documentary story "Pages from My Life" [10]. The author recreated a very epic picture of a "fun" event between "Kazan Rus" and "good-natured Tatars". F. Chaliapin notes that the fistfights, in which he participated as a boy, usually began in winter with children's "cavalry fights" on skates, and then more and more Russian and Tatar forces were drawn into the battle:

"Gradually, teenagers entered the fray. They were followed by the youth, and, finally, in the midst of the battle, respectable men aged forty and above joined them. They fought desperately, sparing neither themselves nor the enemy. But even in the heat of a fierce battle, they never violated the age-old established rules: do not beat those lying or squatting down, do not fight with your feet, do not hide plummets in mittens. And whoever was caught hiding a nickel, a rifle bullet or a piece of iron in his mitten, was unanimously beaten by both his own team and his opponents..."

F. Chaliapin immortalized the images of "strong men" from both sides in his story:

"On the Russian side, "strong men" were two bath masseurs: Merkulov and Zhukovsky - respectable people who were already old; then there were Sirokin and Pikulin, in whose house I used to live in Sukonnaya. The latter was a man of enormous stature, broad-shouldered with reddish curly hair, a pointed beard and the clear eyes of a child... I treated him reverently, like all "strong men", even those from the Tatar side: Sagatullin and Bagitov. When I saw how these people, for some reason all of them being kind and affectionate, knocking down Russian and Tatar fighters with mighty blows, I recalled fairy tales: Bova, Yeruslan Lazarevich, and our life, lacking beauty and strength, became fabulous.

In his story, the great singer recorded the legends about the Kazan strong men that existed among the people, the legends that enhanced the "childish admiration for them":

"So, Merkulov was said to be forbidden to fight by the governor himself and was even ordered to put indel-

ible marks on both his hands: "It is forbidden to participate in fisticuffs". But once the Tatars began to overcome the Russians and drove them to the bridge over the Bulak, the canal connecting Lake Kaban with the Kazanka River. All the Russian "strong men" were beaten and tired, so it was decided to call Merkulov for help. Since the police were watching him, he was brought to the lake hidden in a barrel - as if a water carrier had come for water. The "strong man" easily fit in a barrel. He was small in stature, with crooked legs like a tailor's. He got out of the barrel, and everyone – the Tatars and the Russians - recognized him: some with fear, others with joy.

In the heat of the battle, the fighters of both sides fell off the bridge over Bulak. Along its bottom, from the baths that stood along its banks, dirty hot water used to flow without freezing even in winter. Having returned to their side of the river, the Tatars rallied their strength and the battle continued on the streets of the settlement until the fire brigade came and began to pour water on the fighters" [8].

According to the information we found in the "Kazan Stock Exchange List" (No. 13), in 1871, fistfights were transferred to Arsk Field:

"On the current Maslenitsa, the so-called fights between the Russians and the Tatars, which used to take place on the Kaban and had an unfavorable outcome for many participants (last year there was a real Mamaev massacre), were transferred to Arsk Field in order to avoid such cases." [5].

In his publications, the Kazan historian Leonid Devyatikh indicates that in the 1860s–1870s, one of the organizers of the fisticuffs was Ibragim Yunusov, a well-known fighter in Kazan, the son of the honorary citizen Gubaidulla Yunusov, a merchant of the first guild and the owner of a tannery. According to some reports, Ibragim Yunusov even hired a boxing coach for himself. Besides, he got fighters for the Old Tatar Settlement [14].

According to F. Chaliapin, from 1886, fisticuffs on the Kaban were banned and severely persecuted by the authorities [8].

In his article "History of Fisticuffs in Rus" (1913), A. Lebedev states that the Tatars took part in fisticuffs on the Moskva River: "The Tatars who lived in Moscow in large numbers also took part in fisticuffs" [6].

In his documentary story "Batyrs Becomes a Legend" (1984), R. Ilyalov tells about Nurmagomed Nevmanovich Aliyev (1892–1964). Before the revolution, being the driver of the "wall" on the Moskva River, he won the nickname "Kara Malay" ("The Black Guy"). In 1911, he participated in an international boxing match in Mos-

cow for the first time. There, he achieved excellent results, knocking out the strongest opponents. In 1915, at the All-Russian Weightlifting Championship, which included boxing, Nur Alimov became the light heavyweight champion of Russia. The boxer also won the First Championship in Moscow. In December 1915, Nur Alimov was drafted into the Russian Imperial Army and participated in the battles on the Western Front; later, he began to teach a hand-to-hand combat to soldiers and train scouts. During the Civil War, he became famous as the commander of the First Muslim Socialist Regiment. Due to illness, he was commissioned and got involved in social and sports work, becoming one of the founders of the popular sports society “Spartak”.

In his story, R. Ilyalov tells that it was his father, a “strongman-sabantuynik”, who taught the techniques of the Tatar wrestling Koresh to Kara Malay [12, p.14]. Nivman Abyi, who lived in Tver, was forced to send his son to work for Shulman, a major furrier, who lived in Moscow. Two years later, he happened to be in the service of Joseph Gopfinkopf, a millionaire merchant. Noticing the boy’s athletic inclinations, the new owner brought him to the “Society of Skiing Lovers”, where in one of the rooms, adults and youths practiced weight lifting. Soon Kara Malay won 3rd place at the Moscow Sabantuy.

R. Ilyalov’s story has several descriptions of fistfights at the Dorogomilovskaya outpost, where Kara Malay got at the age of 15. In a year, he rose from an ordinary fighter to a driver of the “wall”. Over two years, according to the observations of others, “Nur became adept at the fights on the ice”. Kara Malay competed for Zamoskvorechie and he alone was worth seven [Ibid., p. 32]. Once, after another fight, on the eve of 1909, Nur was approached by Bessonov, a “punching fist” from the Moscow side who stopped participating in fisticuffs and took up boxing seriously. In this way, Kara Malay came under the tutelage of the coach Morro-Dmitriev, which was the beginning of his sports career [Ibid., p. 33]. However, Kara Malay did not quit participating in fisticuffs on the Moskva River. The fame of a win-win fist boxer soon became not only the property of Moscow, but also swept throughout Russia.

Among the Tatars, the Turkish wrestler Karakhmet, who had come to Kazan to the Nikitin Circus, was more famous. This is how I. Nurullin describes his arrival in the novel “Tukay”:

“Expecting big money, the owners of the circus decided to make extra income. Evil tongues said that

Nikitin had told the wrestlers: Pretend that you are fighting, but instead succumb to Karakhmet. The announcement in the “Volzhsky Leaflet” suggests that these rumors were well founded. ‘On Friday, September 5, a grand performance will be given in honor of the Muslim holiday,’ the newspaper reported, ‘Karakhmet will act as Hercules: he will break two decks of cards and a horseshoe, wind an iron hoop around his hand, break a chain and hammer a large nail into the board with his fist’” [15].

After the “grand performance” and especially after Karakhmet had thrown several wrestlers onto the carpet, he became a “national hero” for the Kazan townspeople and “Sennobazarians” [Ibid.].

Karakhmet lived with G. Tukay at the Bulgar Hotel. “The poet looked with curiosity at a tall, fat strong man wearing a fez with a tassel. Obviously, his appearance evoked the image of Gali-batyr in the poet’s memory, but in a reduced, comically everyday form. Be that as it may, it was Karakhmet who gave Tukay the idea to write a parody of “The Book of Kisekbash,” concludes the author of the famous novel about the great Tatar poet.

Results

Newspaper, ethnographic and fictional sources testify that among the Tatars there were passionate lovers of fisticuffs. The earliest sources about the skill of the Tatars in Russian fisticuffs date back to the beginning of the 16th century (Chronicles about the Baptism and the marriage of the Kazan Prince Khudai Kul). According to the historian-orientalist S. Averkiev, this folk fun had “eastern” roots. In Kazan, fisticuffs between Tatar and Russian settlements were held on the Kaban in the winter; at the end of the 19th century, they were transferred to Arsk Field. According to eyewitnesses, in 1886, fisticuffs were officially banned. The authorities severely suppressed illegal fights, therefore, at the beginning of the 20th century, large-scale fights ceased to exist. The evidence we have found in ethnographic essays and in fiction generally correspond to the information presented in the scientific research.

Conclusions

Obviously, our study does not exhaust the topic “Tatar and Russian fisticuffs”, it is one of the attempts to comprehend the picture describing the customs of Tatar merchants and the life of prominent people before the Revolution.

References

1. Khanipov, R. *Mozhno li schitat' sugu sangat vostochnym yedinoborstvom? Otvet Khasipova* [Is It Possible to Consider Sugu Sangat to Be Martial Art? Khasipov's Answer]. (Ufa, iyul' 2011 goda). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=31Ou6HZJrWk> (accessed: 06.01.2023).
2. Grantovskii, A. (1993). *Russkii kulachnyi boi* [Russian Fisticuffs]. 160 p. St. Petersburg, Peterburgskoe obshchestvo lyubitelei kulachnogo boyta. (In Russian)
3. Bazlov, G. N. (2002). *Derevenskaya artel' kulachnykh boytsov-rukopashnikov: dis. ... kand. filol. nauk* [Rural Artel of Hand-to-Hand Fist Fighters: Ph.D. Thesis]. (Opyt rekonstruktii): po mater. Severo-Zapadnoi Rossii. Moscow, 165 p. (In Russian)
4. Kuts, V. A. (2014). *Russkii kulachnyi boi v kontekste traditsionnoi i sovremennoi kul'tury: sistemno-sinergeticheskiy analiz: dis. ... dokt. kul'turologii* [Russian Fisticuffs in the Context of Traditional and Modern Culture: System-Synergetic Analysis: Doctoral Thesis]. St. Petersburg, 390 p. (In Russian)
5. *Kazanskii birzhevoi listok* (1871) [Kazan Stock Exchange List]. No.13. 14 fevralya. (In Russian)
6. Lebedev, A. A. (1913). *K istorii kulachnykh boyev na Rusi* [On the history of fisticuffs in Rus']. Russkaya starina. T. 155. St. Petersburg. No. 7, pp. 103–123. No. 8, pp. 323–340. URL: nic60y-lebedev-k-istorii-kulachnyh-boev.pdf (ethnosport.org) (accessed: 06.01.2023). (In Russian)
7. Kostomarov, N. I. (2011). *Ocherk domashnei zhizni i nравов velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on Domestic Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th Centuries]. Byt i nraavy russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. N. I. Kostomarov. Pp. 3–344. Smolensk, Rusich. (In Russian)
8. Lav. Felonov. *Kreshchenskii boi na Kaban'e (Iz" kharakteristiki kazanskih nrafov" nachala tridtsatykh godov)* (1876) [Epiphany Battle on the Kaban (Characterizing Kazan Customs in the Early Thirties)]. Pervyi shag. Pp. 201–226. Kazan'. (In Russian)
9. Averkiev, S. S. (2015). *Vliyanie tatar na zhizn' russkogo naroda* [Influence of the Tatars on the Life of the Russian People]. Sost. I. V. Zaitsev, otv. red. I. M. Mirgaleev. 292 p. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani, AN RT; izd-vo "YAZ". (In Russian)
10. Shalyapin, F. S. (1976). *Stranitsy iz moyei zhizni* [Pages from My Life]. F. S. Shalyapin. Literaturnoe nasledstvo. Pis'ma v 3 t. T. 1, pp. 5–28. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
11. Aksakov, S. T. *Sobiranie babochek (Rasskaz iz studencheskoi zhizni)* [Collecting Butterflies (A Story from Student Life)]. S. T. Aksakov. Sobranie sochinenii v 5 t. T. 2, pp. 158–395. Moscow, Pravda. (In Russian)
12. Ilyalov, R. (1984). *Batyur ukhodit v legendu* [Batyur Becomes a Legend]. 188 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
13. *Entsiklopedicheskii slovar Berezina* (1893) [Berezin's Encyclopedic Dictionary]. 423 p. St. Petersburg. (In Russian)
14. *Kulachnye boi v Kazani glazami ochevidtsev* [Fisticuffs in Kazan through the Eyes of Witnesses]. URL: <https://inkazan.ru/news/2017-03-05/kulachnye-boi-v-kazani-glazami-ocenevidtsev-1435568?ysclid=lchjzp46sz494551692> (accessed: 06.01.2023). (In Russian)
15. Nurullin, I. Z. (1977). *Tukai* [Tukay]. 238 p. Moscow, Molodaya gvardiya. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=31345&p=1&ysclid=lchz7x98yr128384983> (accessed: 06.01.2023). (In Russian)

«ТАТАРСКИЙ СЛЕД» В ИСТОРИИ РУСССКИХ КУЛАЧНЫХ БОЕВ

Милюша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
mileuscha@mail.ru.

В статье систематизирован круг источников и исследований, в которых встречаются упоминания об участии татар в русских кулачных боях. Материалом для анализа послужили газетные публикации, этнографические очерки и художественные произведения. Методологической основой являются исследования А. Грантовского, Г. Н. Базлова, В. А. Каца. В ходе исследовательской работы выявлено, что в среде татар до революции 1917 г. встречались страстные поклонники русских кулачных боев. В Казани они проводились зимой на Кабане и Арском поле, а в Москве – на Москве-реке. Доказано, что для батыров это была возможность не только продемонстрировать свою молодецкую удаль, но и существенно улучшить свое материальное положение, поэтому они соглашались стать наемными бойцами. Татарские купцы расплачивались с ними деньгами и чаем, а русские, кроме денег, выставляли бочки с водкой и пивом, сани с кренделями. Из-за травматичности в конце XIX в. кулачные бои в Казани были запрещены, а в начале XX в. из-за преследованийластей перестали проводиться совсем. В истории

московских кулачных боев превратилось в легенду имя татарина-мишарина Нура Алиева, известного больше по прозвищу Кара Малай.

Ключевые слова: кулачный бой, русские и татарские слободы, Казань, С. Т. Аксаков, Ф. С. Шаляпин, Р. Илялов

Введение

Недавно нам стало известно, что татарин-самбист Ренат Хасипов реконструировал средневековое татарское боевое искусство «Сугу сэнгате» («Боевое искусство» / «Искусство удара»), состоящее из элементов боевого пляса, рукопашного боя и боя с оружием. Как утверждает собиратель сугу сэнгате, многие приемы этого боевого искусства были созданы на основе традиций древней формы татарской борьбы на поясах (татар көрәш), рукопашного боя древних тюрков. Р. Хасипов все это «растворил» в движениях татарских танцев. Материалы по боевой технике самбист собрал во время этнографических поездок по деревням Башкортостана, в ходе которых он брал интервью у борцов көрәш (татар көрәш). Р. Хасипов вел предметную переписку с историками и работниками музеев города Казани [1]. Мы считаем подобную практику интересной формой функционирования феноменов традиционной культуры в посттрадиционной эпохе.

Данная статья есть попытка систематизировать сведения об участии татар в таком народном развлечении на Руси, как кулачный бой. Изучив научную литературу, мы обнаружили ряд исследований, в которых подробно представлена ритуализованная структура русских кулачных боев. В книге А. Грантовского «Русский кулачный бой» (1993), помимо практических описаний самих боев, содержатся интересные сведения о вкладе исследователей и писателей в изучение этой народной забавы [2]. Г. Н. Базлов подробно изучил историю кулачных боев на Руси в Средневековье и Новое время [3]. В. А. Кац в своей работе проанализировал кулачные бои как феномен национальной культуры [4]. К сожалению, мы не обнаружили серьезных научных работ, где были бы исследованы факты участия татар в этой народной забаве.

Материалы и методы

Материалом для нашего исследования послужили газетные заметки [5], труды этнографов [6], [7], [8], востоковедов [9], воспоминания очевидцев [10], художественные произведения писателей [11], [12], в которых встречаются описания кулачных боев, в которых уча-

ствуют татары. В работе использовались культурно-исторический, системный методы анализа.

Обсуждение

«Кулачные бои на Руси представляют такое характерное и своеобразное явление и такой интерес в развитии нашей культуры, что все, что относится до истории этого народного развлечения, разросшагося до грандиозных размеров и распространенного повсеместно в России, невольно останавливает на себе внимание»,

— считал А. А. Лебедев, очевидец кулацких боев в XIX в. По его мнению, этот «обычай совсем не русский и принесен к нам с запада, вместе с появлением иностранцев, вносивших к нам и свои взгляды на обрядности жизни» [6]. Русский востоковед-татарофил С. С. Аверкиев, напротив, уверен, что кулачный бой был народной забавой, заимствованной русским народом с Востока [9, с. 192].

Историк Н. И. Костомаров (1817–1885) в своем «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1860), описывая старинные русские кулачные бои, отмечает, что их участники «бились жестоко и неистово». Это могло для некоторых из них обернуться гибелью или инвалидностью [7, с. 227–228]. А. А. Лебедев считает, что кулачные бои не были столь мрачными, дикими и жестокими, как показались они Н. И. Костомарову: «Противники, недавно бывшие и безпощадно старавшиеся „сломить стенку“, по окончании битвы, мирно и добродушно шли вместе в „кружала“, шинки, кабаки и харчевни, где и велись жаркие споры и оценка событий боя и ловкости того или другого бойца...» [6].

В Энциклопедическом словаре И. Н. Березина мы обнаружили сведения о том, что в середине XVIII века в «стенках» снискали славу казанские суконщики [13, с. 423].

Сохранились сведения о том, что выдающимся бойцом своего времени был казанский царевич Худай-Кул (ум. 1523), брат хана Алемгама, превратившийся после плена и крещения в Петра Ибрагимовича, после чего он навсегда потерял право претендовать на Казанский престол:

«Спустя неделю после таинства, на Святках, в знак особой милости, а также строя далеко идущие политические планы, великий князь Василий выдал за Петра свою родную сестру, княжну Евдокию. На зимних праздниках новобрачный царевич Петр „тешился борьбой“ с московскими атлетами, в которой показал большое искусство. Используя особые захваты и приемы, Петр умел валить наземь противников одной рукой» [14].

В творческом наследии русского писателя С. Т. Аксакова (1791–1859) мы обнаружили интересный пример очеркового описания кулачного боя на казанском озере Кабан между татарскими и русскими слободами, свидетелем которого он стал в 1806 г.:

«Бои эти доходили иногда до ожесточения, и, конечно, к обыкновенной горячности бойцов примишпалось чувство национальности. Бой, который видел я, происходил, однако, в должностных границах и по правилам, которые нарушались только тогда, когда случалось одолевать татарам. Бойцы, выстроившись в две стены, одна против другой, на порядочном расстоянии, долго стояли в бездействии, и только одни мальчишки высакивали с обеих сторон нанейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмешками или похвалами взрослых; наконец, вышел вперед известный боец Абдулка, и сейчас явился перед ним также известный боец Никита; татарин полетел с ног и вместо него вырос другой. Между тем в нескольких местах начали биться попарно разные бойцы. Удача была сначала равная: падали татары, падали и русские. Вставая, кто держался за бок, кто за скулу, а иных и уносили. Вдруг с страшным криком татары бросились стеной на стену – и завязалась ужасная, вполне рукопашная драка; но татары держались недолго, скоро попятили их назад, и они побежали. Русские преследовали их до берегов Кабана и с торжеством воротились. Мне сказывали, что когда случалось одолевать татарам, то они преследовали русских даже в их избах и что тут-то вновь восстановлялся ожесточенный бой, в котором принимали участие и старики, и женщины, и дети: дрались уже чем ни попало. Такая схватка всегда оканчивалась бегством татар. («Собирание бабочек» (Рассказ из студенческой жизни) [11, с. 160].

Таким образом, данное описание кулачного боя основано на личных детских воспоминаниях С. Т. Аксакова, оно отличается достоверностью, несет в себе эмоциональную оценку проходящего на его глазах «ожесточенного боя».

Нам удалось разыскать описание кулачного боя на Кабане в 1832 г. Автором этого этнографического очерка является Лав. Фелоновъ [8].

В нем подробно описаны нравы казанских страстных любителей кулачных боев. «Главнокомандующим русских боевых искусств» в городе был купец Севастьян Дормидонтович Посконев. Он платил лучшим бойцам жалование, других одаривал ценными подарками. Во время боев нередко выкатывал бочки с водкой и пивом, возами вывозил калачи. К нему стекались все, кто хотел померяться силой «съ татарвой». Татарские купцы также не скучились на расходы по содержанию ловких и дюжих молодцев: «не жалѣли денег и плоханьского чаю». По свидетельству автора очерков, за последние две зимы ни татарской, ни русской сторонам «къ величайшей досадѣ национального чувства» не удалось одержать верх друг над другом [Там же, с. 213].

В поисках дюжего молодца русский купец по воле случая познакомился с сыном бедного сельского дьячка Василием Никитовичем Добрининым, которого отец в 14 лет отправил учиться в семинарию в Казань. К 16 годам парень превратился в «спартанца», с презрением относящегося к физической боли. Учился он плохо: когда оказался в старшем классе, ему уже исполнилось 24 года. Страстный поклонник кулацкого боя с ним познакомился, когда бурсак остановил на полном скаку жеребца и тем самым спас барыню. С легкой руки купца сына дьячка теперь стали называть «Добриней Никитичем». Купец стал выставлять его на кулачные бои. Стоило Даниле появиться на поле боя, как татары начинали разбегаться. Все запомнили, как во время первого боя он сбил с ног шестнадцать татар, которых потом увезли на телегах. Татары называли его «шайтаном» [Там же, с. 214]. Это побудило братьев Исмангуловых в компании с другими купцами выписать себе непобедимого бойца из Астрахани по имени Абдрахман.

Автор очерка в деталях описывает ритуал баухальства двух купцов накануне кулачного боя. Один из гостей русского купца Севастьяна Дормидонтовича Посконева Спиридон Петрович сообщает, что татарин заплатил наемному бойцу 100 рублей, оплатил «харчи и проѣздные». Гость описывает батыра как «Стра-ш-илище!»:

«Росту – во! гость встал и поднял руку как только могъ высоко, – плечо – во! – гость отмѣрил сажень. А силища, что у лошади: диковенным кулачищемъ по три кирпича заразъ расшибаетъ». Чтобы присутствующие наглядно увидели силу заезжего молодца, «словоохотливый очевидацъ» продемон-

стрировал перед гостями «сломанный четвертакъ» [Там же, с. 203].

Купец напоминает гостям, что в прошлом году его боец, бурсак Данила, одолел батыра Нигматуллу и нагнал страх на обитателей Татарской слободы, пройдя по ней «изъ конца въ конецъ». В благодарность от купца русский боец получил «трѣшицу».

Пришедший по зову хозяина в дом бурсак достаточно равнодушно отреагировал на рассказ очевидца и похвастался перед присутствующими, что может «грублевики заламывать». Вскоре Данила продемонстрировал это свое умение, за что получил от хозяйки в награду «трѣшицу». Пришедший в восторг купец Поконев просит своего гостя передать татарскому купцу две половинки серебряного рубля с пожеланием отправить астраханского силача восьмаяси. Хозяин дома, вручив бойцу авансом «трѣшицу», обещает бурсаку карьерный рост, если он одолеет Абдрахмана: купец пообещал походатайствовать перед архиереем принять Данилу в приход дьяконом и найти ему невесту с приданым [Там же, с. 208].

В очерке подробно описан кулачный бой в Крещение: татары толпились на отлогом берегу Кабана, где стояла Церковь Четырех Евангелистов, а русские – на противоположном берегу. Каждая из сторон с нетерпением ожидала своих купцов с наемными бойцами.

Важную роль в характеристике бойцов играют их портреты. Весьма показателен портрет астраханского батыра, который предстает настоящим франтом, «колоссом» среди малорослых казанских татар:

«Это был смуглый дѣтина лѣт сорока. В черной бородѣ его кое-гдѣ серебромъ отливаль сѣдой волосъ; на широкие плечи была накинута татарская баранья шуба, на головѣ набекренъ надѣта высокая баранья шапка; изъ-подъ которой выглядывала золотая тюбетейка; на рукахъ надѣты огромные рукавицы изъ бѣлой кожи, доходящіе почти до локтя» [Там же, с. 219].

Русские бойцы перед боем распределили между собой бойцов с татарской стороны. Первыми бой начали подростки с той и другой стороны. Затем «стенка» двинулась на «стенку». Астраханец «в стенку» не вошел. Обе стороны сражались в этот день с ожесточением. Астраханец вступил в бой, завидев отступающих татар. Он сбросил шубу и кинулся в самую гущу. Абдурахман раскидал русских бойцов и обрастил их в бегство. Таким образом, в первой

схватке русские «потерпѣли полное поражение» [Там же, с. 220]. Добрынин не явился на первой бой, так как инспектор семинарии наказал его за провинность.

Во время второго боя Абдурахман и Добрыня встали в «стенку». Завязалась битва. Спустя какое-то время бойцы оказались в двух шагах друг от друга. Абдурахман ударил своего соперника в грудь, а Добрыня ударом раздробил ему ключицу и плечевую кость [Там же, с. 225]. «Татары, увидев своего геркулеса сбитымъ, бросились бѣжать; русскіе преслѣдовали ихъ до Татарской слободы и вернулись побѣдителями». Так закончился кулачный бой на Кабане в 1832 г., после которого полиция взяла с Добрыни подпись больше не драться. Севастьян Дормидонтович слово свое сдержал: подобрал бойцу невесту и выхлопотал ему место дьячка. Через год его взяли в собор протодьяконом [Там же, с. 226].

Этнографический очерк Лав. Фелонованачен на описание нравов казанского купечества. Автор сконцентрировал свое внимание на описании подготовки кулачного боя и его проведений. Важную роль в характеристике бойцов играют их портреты, а также факты биографии, способствовавшие тому, что они стали наемными бойцами. Лав. Фелонов перечисляет объем расходов, потраченных купечеством и с той, и другой стороны на содержание этой народной забавы. Этнографический очерк есть красноречивое свидетельство того, что и татарские, и русские купцы были страстными поклонниками кулачных боев на Кабане, поэтому они не жалели средств во имя победы.

Весьма колоритное описание кулачного боя встречается в документальной повести Ф. С. Шаляпина «Страницы из моей жизни» [10]. Автор воссоздал весьма эпичную картину «забавы» между «казанской русью» и «добродушными татарами». Ф. С. Шаляпин отмечает, что кулачные бои, коих он стал участником будучи мальчишкой, начинались обычно зимой с «кавалерийских схваток» детьворы на коньках, а затем в бой втягивалось все больше сил русских и татарских:

«Постепенно вступали в бой подростки. За ними шло юношество, и, наконец, в разгаре боя, являлись солидные мужи в возрасте сорока лет и выше. Дрались отчаянно, не щадя ни себя, ни врага. Но и в горячке яростной битвы никогда не нарушали искони установленных правил: лежачего не бить, присевшего на корточки тоже, ногами не драться, тяжестей в рукавицы не прятать. А кого уличали в том, что он

спрятал в рукавице пятак, ружейную пулю или кусок железа, того единодушно били и свои и чужие...».

Ф. С. Шаляпин увекочил в своей повести образы «силачей» и с той, и другой стороны:

«С русской стороны „силачами“ являлись двое банщиков: Меркулов и Жуковский – почтенные, уже старые люди, затем Сироткин и Пикулин, в доме которого в Суконной я жил. Это был человек огромного роста, широкоплечий, рыжеватый и кудрявый, с остренькой бородкой и ясными глазами ребенка... Я относился к нему благоговейно, как ко всем „силачам“, даже и татарской стороны: Сагатуллину, Багитову. Когда я видел, как эти люди, почему-то все добрые и ласковые, сбивают с ног могучими ударами русских и татарских бойцов, мне вспоминались сказки: Бова, Еруслан Лазаревич, и скучная красотою и силой жизнь становилась сказочной».

Великий певец зафиксировал в своей повести легенды о казанских силачах, бытующие в народной среде, усиливавшие еще более «ребячье преклонение пред ними»:

«Так, о Меркулове говорилось, что ему сам губернатор запретил драться и даже велел положить на обе реки его несмываемые клейма: „Запрещается участвовать в кулачных боях“. Но однажды татары стали одолевать русских и погнали их до моста через Булак, канал, соединяющий Кабан-озеро с рекою Казанкой. Все „силачи“ русские были побиты, утомлены и решили позвать на помощь Меркулова. Так как полиция следила за ним, его привезли на озеро спрятанным в бочке – будто бы водовоз приехал по воду. „Силач“ легко поместился в бочке. Он был небольшого роста, с кривыми, как у портного, ногами. Вылез он из бочки, и все – татары, русские – узнали его: одни со страхом, другие с радостью».

В пылу боя бойцы той и другой стороны срывались с моста в Булак, по дну которого и зимою текла, не замерзая, грязная горячая вода из бань, стоявших по берегам его. Перейдя на свою сторону, татары собрались с силами, и бой продолжался на улицах слободы до поры, пока не явилась пожарная команда и не стала поливать бойцов водою» [8].

Согласно сведениям, почерпнутым нами в «Казанском биржевом листке» (№ 13), в 1871 г. кулачные бои с Кабана были перенесены на Арское поле:

«С Кабана, где прежде проходили так называемые бои русских с татарами (а в прошлом году было настоящее Мамаево побоище), кончившиеся неблагополучно для многих, в нынешнюю Масленицу во

избежание подобных случаев были переведены на Арское поле» [5].

Казанский историк Леонид Девятых в своих публикациях указывает, что в 1860–1870-х гг. одним из организаторов кулачных боев был известный в Казани боец Ибрагим Юнусов – сын почетного гражданина, кожевенного заводчика, купца первой гильдии Губайдуллы Юнусова. По некоторым сведениям, Ибрагим Юнусов даже нанимал себе тренера по боксу. Кроме того, он добывал бойцов для Старо-Татарской слободы [14].

По свидетельству Ф. С. Шаляпина, с 1886 г. кулачные бои на Кабане были запрещены и жестко преследовались со стороны властей [8].

А. А. Лебедев в статье «История кулачных боев на Руси» (1913) констатирует, что татары принимали участие в кулачных боях на Москве-реке: «В кулачных боях принимали участие и татары, жившие на Москве в большом количестве» [6].

В документальной повести Р. Илялова «Батыр уходит в легенду» (1984) рассказывается о Нурмагомете Невмановиче Алиеве (1892–1964). До революции, будучи водителем «стенки» на Москве-реке, он снискал прозвище «Кара Малай» («Черный парень»). В 1911 г. он впервые участвовал в международном матче по боксу в Москве. Там он добился превосходных результатов, послав в нокаут сильнейших соперников. В 1915 г. на «Всероссийском первенстве по тяжелой атлетике», в программу которого входил и бокс, Нур Алимов стал чемпионом России в полутяжелом весе. Победил боксер и в Первом Чемпионате в Москве. В декабре 1915 г. Нур Алимов был призван в Русскую Императорскую Армию, участвовал в боях на Западном фронте, затем стал обучать солдат рукопашному бою и готовить разведчиков. В годы Гражданской войны он прославился как командир Первого мусульманского социалистического полка. Из-за болезни он был комиссован и включился в общественно-спортивную работу, став одним из организаторов популярного спортивного общества «Спартак».

Р. Илялов в своей повести рассказывает о том, что приемам татарской борьбы көрөш Кара Малая обучил его отец, «силач-сабантуйник» [12, с. 14]. Нивман абый, проживавший в Твери, вынужден был отдать сына в наем к крупному меховщику Шульману, проживавшему в Москве. Через два года мальчик оказался на службе у купца-миллионщика Иосифа Гопфинкопфа. Заприметив спортивные задатки Нура,

новый хозяин привел его в «Общество любителей лыжного спорта», где в одной из комнат взрослые и юнцы упражнялись в поднятии тяжестей. Вскоре Кара Малай на Московском сабантуе завоевал 3-е место.

Р. Илялов в своей повести дает несколько описаний кулачных боев на Дорогомиловской заставе, куда Кара Малай попал в 15 лет. За год он прошел путь от рядового бойца до водителя «стенки». За два года, по наблюдениям окружающих, «Нур поднаторел на ледовых побоищах». Кара Малай выступал за Замоскворечье и один стоил семерых [Там же, с. 32]. Как-то к Нуру после очередного боя накануне 1909 г. подошел пробойной кулачник московской стороны Бессонов, который перестал участвовать в кулачных боях и серьезно занялся боксом. Так Кара Малай попал под опеку тренера Морро-Дмитриева, что послужило началом его спортивной карьеры [Там же, с. 33]. Однако участвовать в кулачных боях на Москве-реке Кара Малай не бросил. Слава о беспрогрызном боксер-кулачнике вскоре стала не только достоянием Москвы, но и прокатилась по всей России.

В среде татар более известен турецкий борец Каракмет, который приехал в Казань в цирк Никитиных. Вот как описывает его приезд И. Нуруллин в романе «Тукай»:

«Почуяв запах денег, хозяева цирка решили подзаработать. Злые языки говорили, что Никитин наказал борцам: делайте вид, что боретесь, а сами поддавайтесь Каракмету. Объявление в „Волжском листке“ наводит на мысль, что эти слухи имели под собой почву. „В пятницу, 5 сентября, будет дано грандиозное представление в честь мусульманского праздника, – сообщала газета, – Каракмет выступит в роли Геркулеса: сломает две колоды карт и подкову, намотает на руку железный обруч, разорвет цепь и кулаком забьет в доску большой гвоздь“» [15].

После «грандиозного представления» и в особенности после того, как Каракмет побросал на ковер нескольких борцов, он превратился в «национального героя» для казанских мещан и «сеннобазарцев» [Там же].

Каракмет жил с Г. Тукаем в гостинице «Булгар».

«Поэт с любопытством разглядывал высоченного толстого силача в феске с кисточкой. Очевидно, его облик вызвал в памяти поэта образ Гали-батыра, но в сниженном, комично-бытовом виде. Как бы там ни было, именно Каракмет навел Тукая на мысль написать пародию на „Книгу о Кисекбаше“»,

– приходит к выводу автор знаменитого романа о великом татарском поэте. [Там же]

Результаты

Газетные, этнографические и художественные источники свидетельствуют о том, что в среде татар были страстные любители кулачного боя. Самые ранние источники о мастерстве татар в русском кулачном бою датируются началом XVI в. (летописные своды о Крещении и женитьбе казанского царевича Худай Кула). По версии историка-востоковеда С. С. Аверкиева, сия народная забава имеет «восточные» корни. В Казани кулачные бои между татарскими и русскими слободами проводились зимой на Кабане, а в конце XIX в. были переведены на Арское поле. По свидетельству очевидцев, в 1886 г. кулачные бои были официально запрещены. Власти жестко пресекали нелегальные бои, поэтому в начале XX в. крупномасштабные бои сошли на нет. Обнаруженные нами свидетельства в этнографических очерках и художественных произведениях в целом соответствуют сведениям, изложенным в научных исследованиях.

Выводы

Очевидно, что наше исследование не исчерпывает тему «Татары и русский кулачный бой» и является одной из попыток осмыслиения картины нравов татарского купечества и жизни яких народных представителей до революции.

Литература

1. Ханипов Р. Можно ли считать сугу сангат восточным единоборством ответ Хасипова (Уфа, июль 2011 года). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=31Ou6HZJrWk> (дата обращения: 06.01.2023).
2. Грантовский А. Русский кулачный бой. СПб.: Петербургское общество любителей кулачного боя, 1993. 160 с.
3. Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников (опыт реконструкции): по матер. Северо-Западной России: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 165 с.
4. Күц В. А. Русский кулачный бой в контексте традиционной и современной культуры: системно-синергетический анализ: дис. ... докт. культурологии. СПб., 2014. 390 с.
5. Казанский биржевой листок. № 13. 1871. 14 февраля.
6. Лебедев А. А. К истории кулачных боев на Руси // Русская старина. Т. 155. СПб., 1913. № 7. С. 103–123. № 8. С. 323–340. URL: nic60y-lebedev-k

istorii-kulachnyh-boev.pdf (ethnosport.org). (дата обращения: 06.01.2023).

7. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Н. И. Костомаров. Смоленск: Русич, 2011. С. 3–344.

8. Лав. Фелоновъ. Крещенский бой на Кабанѣ (Из характеристики казанских нравовъ начала тридцатых годов) // Первый шаг. Казань. 1876. С. 201–226.

9. Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа / сост. И. В. Зайцев, отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 292 с.

10. Шаляпин Ф. С. Страницы из моей жизни // Ф. С. Шаляпин. Литературное наследство: Письма в 3 т. Т. 1. М.: Искусство, 1976. С. 5–28.

11. Аксаков С. Т. Собирание бабочек (Рассказ из студенческой жизни) // С. Т. Аксаков. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. М.: Правда. С. 158–395.

12. Илялов Р. Батыр уходит в легенду. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 188 с.

13. Энциклопедический словарь Березина. СПб., 1893. С. 423.

14. Кулачные бои в Казани глазами очевидцев. URL: <https://inkazan.ru/news/2017-03-05/kulachnye-boi-v-kazani-glazami-ochevidtsev-1435568?ysclid=lchjzp46sz494551692> (дата обращения: 06.01.2023).

15. Нуруллин И. З. Тукай. М.: Молодая гвардия, 1977. 238 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=31345&p=1&ysclid=lchz7x98yr128384983> (дата обращения: 06.01.2023).

РУСЛАРНЫҢ КУЛ СУГЫШЫ ТАРИХЫНДА «ТАТАР ЭЗЕ»

Миләүшә Мөхәммәтҗан қызы Хәбетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
mileuscha@mail.ru.

Мәкаләдә русларның кул сугышларында татар кешеләренең дә катнашуы турында искә алынган чыганаклар һәм тикшеренүләр системага салына. Анализ өчен материал буларак газета мәкаләләре, этнографик очерклар һәм сәнгать әсәрләре кулланылды. Мәкаләнең методологик нигезен А. Грантовский, Г.Н. Базлов, В.А. Кац тикшеренүләре тәшкил итә. Тикшеренү барышында ачыкланганча, 1917 елгы революциягә кадәр татарлар арасында рус кул сугышының жанатар катнашучылары булган. Казанда мондый сугыш уеннары кыш көннәрендә Кабан күлендә, Арча кырында, Мәскәүдә Мәскәү елгасында уздырылган. Батырларга ул беләкләрендәгә көчне күрсәтер өчен форсат кына түгел, ә матди хәлләрен шактый яхшырту мөмкинлеге дә булганлыгы раслана, шуның өчен дә алар кул сугышларында ялланып та катнашканнар. Татар сәүдәгәрләре аларга акча һәм чәй белән туләгән, ә руслар, акчадан тыш, аракы һәм сыра тулы мичкәләр, крәндил тулы чаналар дә күя торган булган. Батырлар еш имгәнү сәбәпле, XIX гасырда Казанда кул сугышлары тыела, ә XX йөз башында хакимият кысыкливы сәбәпле, бөтенләй туктатыла. Мәскәүдә уза торган кул сугышлары тарихында Кара Малай кушаматы алган мишәр-татар егете Нур Алиев иссеме легендага эйләнә.

Төп төшенчәләр: кул сугыш, рус һәм татар бистәләре, Казан, С.Т. Аксаков, Ф.С. Шаляпин, Р. Илялов